

UNITED WISDOM

Соловьёв: всеединство и различия внутри целого

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-33-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Соловьёв: всеединство и различия внутри целого

Эпиграф

> *«Человеческая личность бесконечна: это есть аксиома нравственной философии».*

Владимир Соловьёв, «Оправдание добра», глава X, II. Русский оригинал. «Бесконечность» здесь — нравственное положение философа, а не измеряемая характеристика человека.

О чём эта статья

Мы легко соглашаемся, что всё связано, пока связь не начинает требовать от нас одинаковости. В семье, рабочей группе или религиозном сообществе слово «единство» может означать сотрудничество, а может — удобное отсутствие возражений. Владимир Соловьёв ставит более трудный вопрос: каким должно быть целое, чтобы принадлежность к нему утверждала отдельного человека? Эта статья рассматривает всеединство через знание, нравственность и любовь. Мы отделим философское стремление к цельности от простого смешения разных способов познания и проверим, где образ общего организма помогает, а где скрывает власть. Соловьёв не станет здесь автором современной инструкции по отношениям. Его мысль даст нам критерий для собственных решений: увеличивает ли предлагаемая связь возможность каждого действовать и быть услышанным? Если целое объявлено высшей ценностью, важно выяснить, кому в нём позволено говорить от имени всех.

I. Целое, которое ещё надо построить

Всеединство полезно читать как требовательный вопрос об устройстве связи, а не как успокаивающую фразу о готовой гармонии. Связанность сама по себе ничего не говорит о качестве отношения. Кредитор и должник связаны, соперники зависят друг от друга, участники несправедливого порядка тоже образуют систему. Из того, что изоляция невозможна, не следует, что существующее целое хорошо устроено. Это различие определяет весь дальнейший разговор.

Представим условную редакцию. В ней есть общий замысел, но каждый новый текст согласуют так, что исчезает голос автора. Редактор считает результат цельным: терминология едина, никаких неудобных противоречий. Автор видит другой результат: в

журнале больше нет того, ради чего он писал. Обе стороны говорят о качестве, но первая измеряет сходство, а вторая — возможность содержательного участия. Вопрос о целом нельзя решить одним подсчётом одинаковых формулировок.

В «Философских началах цельного знания», разделе II Соловьёв предлагает органический синтез науки, философии и теологии. Это его программа: односторонние области должны войти в более полное знание. Слово «органический» указывает на связь различных функций. Но программа ещё нуждается в ответе на вопрос, как согласовать способы проверки, когда они дают разные результаты.

Практический смысл такого чтения появляется до принятия всей метафизики. Вместо вопроса «мы вместе или отдельно?» возникает вопрос «какие различия необходимы нашему делу?». Одна общая задача может требовать разных темпов, компетенций и способов возражать. Различие становится не препятствием, которое следует убрать, а ресурсом, использование которого требует устройства отношений. При этом ни один участник не обязан оправдывать каждую свою особенность её пользой для коллектива.

Целое, сохраняющее только полезные отличия, тоже способно поглощать личность. Поэтому необходимо различать вклад человека и его достоинство. Вклад обсуждается, меняется и иногда оказывается ненужным. Достоинство не должно исчезать вместе с должностью, производительностью или удачным совпадением взглядов. Именно эта граница не позволяет превратить разговор о единстве в красивое описание взаимной эксплуатации.

II. Почему сумма ещё не даёт единства

Сложить сведения — не то же самое, что связать их основания. Можно собрать на одном столе медицинский анализ, семейное предание, религиозный текст и философский довод. От соседства они не начинают отвечать на одинаковые вопросы. Лабораторное измерение проверяет одно, воспоминание сообщает другое, нравственный принцип позволяет оценить третье. Ошибка начинается там, где присутствие многих голосов принимают за доказательство общего вывода.

Возьмём условное решение о переезде. Экономический расчёт показывает расходы. Воспоминание объясняет, почему человек привязан к месту. Разговор с близкими обнаруживает обязательства. Религиозное убеждение может придавать определённый смысл гостеприимству или принадлежности. Ни один из этих элементов не обязан заменять остальные. Но решение получится цельнее, если станет видно, в каком месте они действительно встречаются и где сохраняют разногласие.

Соловьёвская программа интересна самой смелостью такого соединения. В ней знание не должно оставаться набором оторванных областей. Однако современное применение

нуждается в дополнительной дисциплине: различать факт, объяснение и ценность. Если человек сообщает о внутренней уверенности, это значимый факт его переживания. Из него ещё не следует точный прогноз рынка недвижимости. И наоборот, экономическая выгода сама по себе не отменяет нравственного обязательства.

Такую дисциплину можно представить как стол переговоров между способами понимания. Каждый участник предъявляет собственное основание и предел. У расчёта спрашивают об исходных данных, у воспоминания — о точности, у принципа — о последовательности, у веры — о её конкретной традиции. Никому не дают права занять весь стол только потому, что его язык кажется наиболее строгим или наиболее глубоким.

Цельность тогда означает ответственность за переходы. Если финансовый результат превращается в нравственное требование, переход следует объяснить. Если метафизический образ становится бытовой рекомендацией, нужно показать, какие условия делают её разумной. Именно в переходах чаще всего прячется лишняя уверенность. Сохранение различий не мешает синтезу; оно позволяет увидеть, что действительно соединено, а что лишь поставлено рядом ради впечатления полноты.

III. Личность как центр отношений

Отношения образуют жизнь человека, но не дают окружающим права владеть его жизнью. В главе X «Оправдания добра» Соловьёв возражает против представления о личности как замкнутом круге: её содержание связано с другими. Это основание для критики изолированного «я». Оно, однако, не равнозначно разрешению обществу распоряжаться каждым своим участником.

Ребёнок получает язык от других, специалист учится в созданной до него системе, даже одинокий писатель пользуется словами общей культуры. Из этого можно вывести признательность и обязательства. Нельзя без дополнительного аргумента вывести пожизненную обязанность подчиняться тому, кто дал образование, работу или поддержку. Полученная помощь создаёт историю отношений, но не превращает человека в собственность благодетеля.

В условной семье взрослой дочери напоминают, сколько сил вложено в её воспитание. Напоминание может быть правдивым. Но затем из него делают вывод, что она обязана выбрать назначенную ей профессию. Произошла подмена: зависимость происхождения превратилась в зависимость решения. Увидеть эту подмену можно без отрицания семейной связи. Признание прошлого и право на собственное будущее способны сосуществовать.

Здесь помогает слово «центр». Центр отношений не является точкой, полностью растворённой в линиях, которые к ней сходятся. Человек принимает, осмысляет и меняет

связи. Он способен отвечать иначе, чем от него ожидали. Если такой ответ заранее запрещён, отношения перестают быть встречей и становятся распределением функций. Цельность оказывается достигнута ценой исключения способности участника участвовать в её определении.

В зрелом общем деле можно обсуждать обязанности, согласовывать срок и отказывать в конкретном предложении. Связь остаётся реальной, потому что несогласие не автоматически уничтожает принадлежность. Это не обещание бесконфликтности. Иногда различия приводят к расхождению. Но разойтись с признанием другого — иной результат, чем объявить его ничем лишь потому, что он больше не занимает отведённое место. Отношение проверяется и тем, как оно переживает предел.

IV. Эгоизм не равен самоуважению

Отказ от эгоизма часто предлагают как отказ от собственной важности. У Соловьёва это прочтение сталкивается с прямым возражением. В «Смысле любви», статье второй, III проблема заключается в исключительности: человек признаёт безусловное значение за собой и отказывает в нём другим. Значит, задача состоит не в уменьшении достоинства одного, а в расширении признания.

Эта мысль особенно ясна в споре о времени. Один человек считает свою усталость достаточным основанием для отдыха, а чужую — капризом. Другой принимает важность отдыха обоих, но видит, что сегодня невозможно одновременно удовлетворить две потребности. Во втором случае тоже будет напряжение и выбор. Однако противоречие больше не решается заранее через снижение ценности одного участника.

Самоуважение позволяет сказать: моё время, тело и усилия имеют значение. Эгоистическая исключительность добавляет: чужие время, тело и усилия имеют значение только в той мере, в какой обслуживают мои. Между этими высказываниями огромная дистанция. Если её не заметить, призыв к любви легко становится инструментом давления на того, кто уже привык уступать. Он слышит, что всякая граница подтверждает его нравственную недостаточность.

Обратная ошибка тоже возможна. Словом «границы» человек объявляет неприкосновенным любое своё удобство, включая нарушение договорённости. Равное достоинство не освобождает от ответа за конкретный поступок. Можно признать ценность человека и потребовать вернуть долг, прекратить унизительную речь или исполнить обещание. Нравственное признание не означает согласия со всеми действиями признанного.

Поэтому полезно разбирать спор на два вопроса. Первый: имеет ли каждый право быть учтённым? Второй: какое решение справедливо при данных обстоятельствах? Первый не

следует отдавать победителю второго. Даже если сегодня предпочтено одно решение, другой человек не теряет основания существовать со своими потребностями. Здесь единство обнаруживается как сохранение взаимного признания внутри неустранимого различия интересов.

V. Любовь не обязана производить копию

Близость подвергается серьёзной проверке, когда другой перестаёт совпадать с созданным нами образом. В начале отношений легче любить человека вместе с удобным прогнозом: он всегда будет понимать, поддерживать, разделять мои интересы. Затем возникает самостоятельное желание, неожиданное убеждение или отказ. Именно тогда можно увидеть, признавался ли другой центром жизни или лишь удачным дополнением моей.

Соловьёвская тема индивидуальности делает этот вопрос острым. Мы можем взять из неё ограниченный нравственный ориентир: любовь должна утверждать незаменимость другого. Его более широкие рассуждения о преображении природы и человеческой любви принадлежат собственной религиозной метафизике. Для повседневного решения не требуется выдавать эти положения за доказанную психологическую теорию или обещать отношениям бессмертие.

Представим условную пару. Один партнёр хочет долгих путешествий, второй нуждается в устойчивом доме. У них может не найтись совместного решения. Но сначала важно выяснить, допускают ли они саму законность двух желаний. Если путешествие объявлено развитостью, а дом — трусостью, разговор уже заранее решён. Если дом назван зрелостью, а поездки — инфантильностью, произошло то же самое в обратном направлении.

Признание различия не равно пассивному принятию любой ситуации. Люди выясняют цену, срок, возможность чередования и границы компромисса. Иногда нужна отдельная жизнь. Вопрос состоит в том, возникает ли решение из рассмотрения действительных обстоятельств или из требования перестать быть собой ради принадлежности. Совместность, которая разрешает только один жизненный рисунок, не становится любовью благодаря тёплому названию.

Особенно трудно отказаться от права объяснить другого окончательно. Нам кажется, что мы лучше знаем его желания, потому что долго были рядом. Но длительность знакомства даёт материал для понимания, а не монополию на истолкование. Внутри близости должно оставаться место для фразы: «Ты меня знаешь, но сейчас я говорю тебе нечто новое». Без такого места отношения консервируют прежний образ и препятствуют тому, ради чего ценится личность: её живому существованию.

VI. Образ организма и его опасный поворот

Организм позволяет представить взаимную необходимость различий. В Первом послании к Коринфянам, 12:12–27 Павел обсуждает общину через тело с различными членами. Ни одна функция не делает остальные ненужными. Это религиозный образ общности во Христе, а не готовое устройство всякой политической или рабочей организации.

Сравнение с всеединством уместно в одном пункте: единство не требует единственной функции. Но метафора тела становится опасной, если людям начинают предписывать необратимые места. Рука не может попросить стать глазом, а человек способен сменить профессию, мнение и группу. Тот, кто управляет общей организацией, не должен получать власть хирурга над «неудобным органом». Метафора не отменяет самостоятельности участников.

Условный руководитель говорит, что команда подобна семье или телу. Если это означает взаимную помощь при болезни, образ может поддерживать. Если это означает отказ от отпуска, права возражать и возможности уйти, образ скрывает принуждение. Проверять следует не торжественное описание, а конкретные действия: кто распределяет труд, кто несёт издержки и кто может пересмотреть назначенную роль.

Есть и более тонкая проблема. Общее благо иногда действительно требует ограничений. Невозможно одновременно удовлетворить все желания, сохранить любой срок и не распределять дефицитный ресурс. Но ограничение должно иметь понятное основание, срок и возможность проверки. Образ организма ничего не доказывает сам по себе. Его надо перевести в язык решений, которыми люди могут управлять совместно.

В таком переводе сохраняется лучшая часть метафоры — внимание к взаимной зависимости. Уходит худшая — представление, что управляющий центр вправе считать себя воплощением целого. Если все остальные существуют только как части его плана, всеединство превращается в единовластие. Разница проявляется в праве задавать вопрос о самом общем замысле, а не только о способе более удобного выполнения приказа.

VII. Согласие и сходство — разные результаты

Не всякое согласие означает понимание, и не всякое различие означает разрыв. В «Лунь юй», 13.23, перевод Джеймса Легга противопоставляет доброжелательность и заискивание. Для этой статьи важна возможность быть вместе, не подменяя отношение угодливостью. Конфуцианский контекст воспитания благородного человека не следует превращать в соловьёвскую метафизику; здесь сравниваются две постановки вопроса о совместности.

Условные участники совета единогласно поддержали решение. Одни изучили аргументы, другие боятся выглядеть нелояльными, третьи не поняли вопроса. Итог голосования одинаков, но содержание согласия различно. Из единогласия нельзя вывести, что различия были рассмотрены. Иногда публичная одинаковость существует именно потому, что для различий не осталось безопасного места.

Обратный пример: два человека спорят о приоритете расходов, но точно пересказывают основания друг друга и готовы проверять данные. Их позиции остаются разными, а качество связи может быть выше, чем в молчаливо единогласной группе. Связь выражается не обязательным совпадением вывода, а доступностью взаимного ответа. Это ограниченный практический критерий, который можно обсуждать независимо от религиозной принадлежности.

Такой критерий меняет отношение к возражению. Возражение не всегда полезно и иногда бывает способом сорвать работу. Но его полезность следует оценивать по содержанию, а не по неприятности для руководителя. Если человек указывает на неверный расчёт, неудобство ещё не делает его разрушителем общего дела. Если он бесконечно требует обсуждать уже проверенное без новых оснований, группа вправе установить предел.

Цельность требует одновременно открытости и способности завершать отдельные решения. Она не нуждается ни в вечном споре, ни в запрете спора. Уместный вопрос звучит конкретно: какое различие меняет сегодняшний выбор? Всё остальное может остаться темой следующего разговора. Сохранение этого различия во времени позволяет действовать вместе, не объявляя временное согласование окончательным единством убеждений.

VIII. Единство перед лицом несправедливости

Призыв вспомнить общее особенно опасен, если он появляется только после того, как пострадавший заговорил. Человеку предлагают не разрушать семью, репутацию организации или духовное единство. При этом само нарушение, которое уже повредило связь, остаётся на втором плане. Получается, что целое защищают от сообщения о несправедливости, а не от несправедливости.

Для проверки достаточно спросить, какую часть происходящего предлагают не замечать. Если единство требует молчания одного участника, его ценность стала условной. В этом месте идея равного признания должна работать строже, чем желание сохранить привычную картину. Можно ценить общую историю и одновременно требовать прекращения определённого поведения. Эти действия не обязаны считаться предательством общего.

Кантовская формула человечества как цели в «Основах метафизики нравственности», разделе II даёт сравнительный предел: человека нельзя использовать только как средство. У Канта другое обоснование, через практический разум. Сходство с нашим чтением Соловьёва находится в запрете превращать чью-то личность в расходный материал общего результата, а не в тождестве философских систем.

В условной благотворительной организации сотруднику предлагают постоянно работать без оплаты ради высокой миссии. Он добровольно может пожертвовать часть времени. Но если отсутствие границы считается доказательством нравственности, миссия получает преимущество перед его жизнью. Для честного общего дела нужно назвать реальную потребность, обсуждать распределение нагрузки и сохранять право отказа. Добровольная помощь не тождественна безграничной доступности.

Иногда защита связи начинается с дистанции. Это особенно очевидно там, где неравенство сил мешает прямому разговору. Предложение «сначала почувствовать единство» может лишь вернуть человека под прежнее давление. Практический критерий скромнее и точнее: стало ли возможным безопасно сообщать факты, сохранять границы и пересматривать решения? Если нет, красивый язык цельности пока описывает желаемое, а не достигнутое.

IX. Цельное знание должно выдерживать несогласие

Самая строгая проверка синтеза — встреча с фактом или доводом, который в него не помещается. Если система заранее объясняет всякое возражение духовной незрелостью возражающего, она защитила себя от исправления. Тогда единство достигается не соединением оснований, а контролем над допустимыми вопросами. Для мыслящего читателя это важнее впечатляющей широты перечня традиций.

Можно уважать религиозную интуицию и спрашивать, что именно она позволяет заключить. Можно признавать научный метод и обсуждать, какие ценности определяют применение результата. Ничто не требует от этих вопросов сливаться. Напротив, их раздельность помогает избежать двух подмен: объявить желаемое эмпирически установленным и объявить измеримое нравственно обязательным без дальнейшего рассуждения.

Представим условного читателя, который находит похожие образы в трёх книгах. Ему кажется, что совпадение доказывает общую истину. Но авторы могут различаться в понимании личности, мира и спасения. Похожая форма ещё не показывает одинаковое содержание. Нужно спросить, какую работу образ выполняет в каждом тексте и чего он не утверждает. Иногда после такого чтения сходство становится скромнее, зато содержательнее.

Всеединство в таком применении — дисциплина соединения, а не лицензия на смешение. Оно требует видеть отношения между различными областями и не уничтожать проверку каждой из них. Это наша редакционная интерпретация, которая не объявляется буквальной реконструкцией всей системы Соловьёва. Она использует поставленную им проблему для современного читательского вопроса о качестве общего понимания.

У этой дисциплины есть цена: ответ может остаться неполным. Некоторые утверждения веры, философии и науки не удастся свести к одному выводу. Признание такого остатка не обязательно означает поражение. Оно сохраняет пространство будущей работы. Слишком быстро завершённое целое часто оказывается беднее мира, который хотело вместить. Мысль, способная выдерживать различие, не обязана каждое различие немедленно разрешать.

X. Что остаётся от большого замысла

Ценность философского замысла можно обсуждать отдельно от принятия его целиком. Соловьёв предлагает мыслить знание и нравственную жизнь через преодоление обособленности. Мы можем не принять все его религиозные основания и всё же увидеть вопрос, который слишком часто выпадает из практического разговора: как быть вместе так, чтобы другой не становился приложением к моей цели?

Этот вопрос требует двух движений. Первое — выйти из представления, что мои интересы существуют в пустоте. Второе — не сделать из зависимости оправдание подчинения. Если оставить только первое, личность растворится в требованиях целого. Если оставить только второе, любое обязательство покажется посягательством. Жизнь отношений начинается там, где можно рассматривать одновременно собственную инициативу и действительную связь.

Условная редакция из начала статьи тоже получает иной критерий качества. Ей не обязательно выпускать двадцать одинаково звучащих материалов. Ей нужно обеспечить общий уровень точности и сохранить новые вопросы авторов. Иногда редактор обоснованно исправляет ошибку. Иногда автор обоснованно защищает отличие. Их сотрудничество определяется не постоянством победителя, а возможностью предъявить основания и изменить решение.

В этом смысле целое обнаруживает себя через способность учиться у части. Если никакое частное свидетельство не способно изменить общий рассказ, часть существует декоративно. Если каждая частная претензия разрушает возможность общего дела, связь не удерживается. Между этими крайностями нужна процедура: кто слышит возражение, что считается основанием и каким образом пересматривается ранее принятое.

Всеединство не следует обещать как переживание, которое устранит конфликт. Для читателя оно может стать более трезвым требованием к языку единства. Назвав целое, мы ещё не показали, что оно включает всех. Назвав любовь, мы ещё не показали признание другого. Назвав знание цельным, мы ещё не связали способы проверки. Но каждое из этих слов может начать настоящую работу, если за ним следует вопрос о конкретных отношениях и их последствиях.

Что это значит на практике

Выберите одно общее дело, в котором слово «мы» действительно влияет на ваши решения. Это может быть семья, рабочая группа или дружеский проект. Сначала опишите его без философских терминов: что вы делаете, кто участвует, какие ресурсы расходуются, кто принимает решения. Такое описание позволяет увидеть устройство связи до того, как ей придадут возвышенное имя.

Затем найдите различие, которое сейчас вызывает напряжение. Сформулируйте обе позиции так, чтобы их носители могли узнать себя. Вместо «ему всё равно» запишите, чего человек хочет и что действительно сообщил. Вместо «я обязан уступить» уточните, на какой договорённости основана обязанность. Если сведений не хватает, оставьте место для неизвестного. Догадка о чужом мотиве не делает общий план цельнее.

Проверьте симметрию признания. Если ваша усталость требует учёта, учитывается ли чужая? Если общая цель оправдывает вашу просьбу, разрешено ли другому обсуждать её цену? Симметрия не требует одинакового распределения всего. Она требует основания для различий в нагрузке и сохранения достоинства того, кто временно получает меньше. Особые обстоятельства можно обсуждать конкретно, без объявления одной жизни второстепенной.

После этого выберите небольшое изменение устройства дела: ясный срок, возможность отказа, распределение нагрузки, отдельное время для возражений. У изменения должен быть наблюдаемый результат. Например, стало ли понятнее, кто что обещал; прекратилось ли превращение любой просьбы в безусловное требование; появилось ли право сообщить о невозможности выполнить договорённость. Не измеряйте результат только приятностью разговора.

Если отношения небезопасны или существенный отказ вызывает угрозы, такое упражнение не обязывает к совместному обсуждению. Дистанция и внешняя поддержка могут быть необходимым условием самостоятельного решения. Философский образ не должен убеждать вас жертвовать возможностью действовать ради красивого описания целого. Достаточно сохранить ясный критерий: связь заслуживает укрепления в той мере, в какой в ней становится возможным взаимное признание конкретных людей.

Ключевая цитата

> *«Основная ложь и зло эгоизма не в этом абсолютном самосознании и самооценке субъекта».*

Владимир Соловьёв, «Смысл любви», статья вторая, III. Русский оригинал, короткий фрагмент предложения. Далее автор связывает проблему с отказом другим в том

значении, которое человек признаёт за собой. Цитата не предлагает отказаться от собственного достоинства.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство	Граница
Соловьёв: личность и общество ↔ Павел: различные члены одного тела	Общность нельзя описать через единственную функцию.	Павел говорит о церковной общине во Христе; нравственная и метафизическая программа Соловьёва шире этого образа.
Соловьёв: критика исключительного эгоизма ↔ Кант: человечество как цель	Другой не должен быть лишь инструментом моего замысла.	У Канта основание связано с практическим разумом, у Соловьёва — с иной религиозно-философской системой.
Цельность отношений ↔ «Лунь юй» 13.23: доброжелательность без заискивания	Хорошее отношение не требует угодливого согласия.	Конфуцианское нравственное воспитание не является учением о всеединстве.
Соловьёв: признание незаменимого другого ↔ Бубер: отношение Я–Ты	Встреча не сводится к использованию.	Здесь Бубер привлечён по академическому разбору SEP; его диалогическая философия не равна соловьёвскому синтезу.
Соловьёв: цельное знание ↔ современное различение факта и ценности	Разные основания нуждаются в явных переходах.	Последнее — метод чтения этой статьи, а не доказательство осуществлённого синтеза науки и теологии.

Первоисточники и исследования

1. В. С. Соловьёв. «Философские начала цельного знания», II — программа синтеза; прочитаны выбранные фрагменты раздела, не всё сочинение.

2. В. С. Соловьёв. «Оправдание добра», X, I–II — личность, общество и нравственный статус личности.

3. В. С. Соловьёв. «Смысл любви», статья вторая, II–III — различение индивидуальности и эгоизма; ключевая цитата сверена с русским текстом.

4. Первое послание к Коринфянам, 12 — образ членов тела; прочитан KJV, в статье дан пересказ без дословного русского перевода.

5. Иммануил Кант. «Основы метафизики нравственности», II — формула человечества; английский перевод Т. К. Эбботта, локатор AA 4:429.

6. «Лунь юй», XIII.23, Project Gutenberg — первичный фрагмент в переводе James Legge: доброжелательность без заискивания. Русские формулировки — смысловой пересказ.

7. Martin Buber. Stanford Encyclopedia of Philosophy — академическое описание отношения Я–Ты, раздел о «Я и Ты», не чтение всей книги Бубера.

Теги

Соловьёв, всеединство, цельное знание, личность, общество, индивидуальность, эгоизм, любовь, достоинство, признание, различия, целое, связь, свобода, нравственная философия, теология, синтез, границы, согласие, гармония, Кант, Павел, Конфуций, Бубер, ответственность, совместность, общее дело.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.